I 1978

1 7 5

ТУ 19-32-73

1

2

студия
ДИАФИЛЬМ

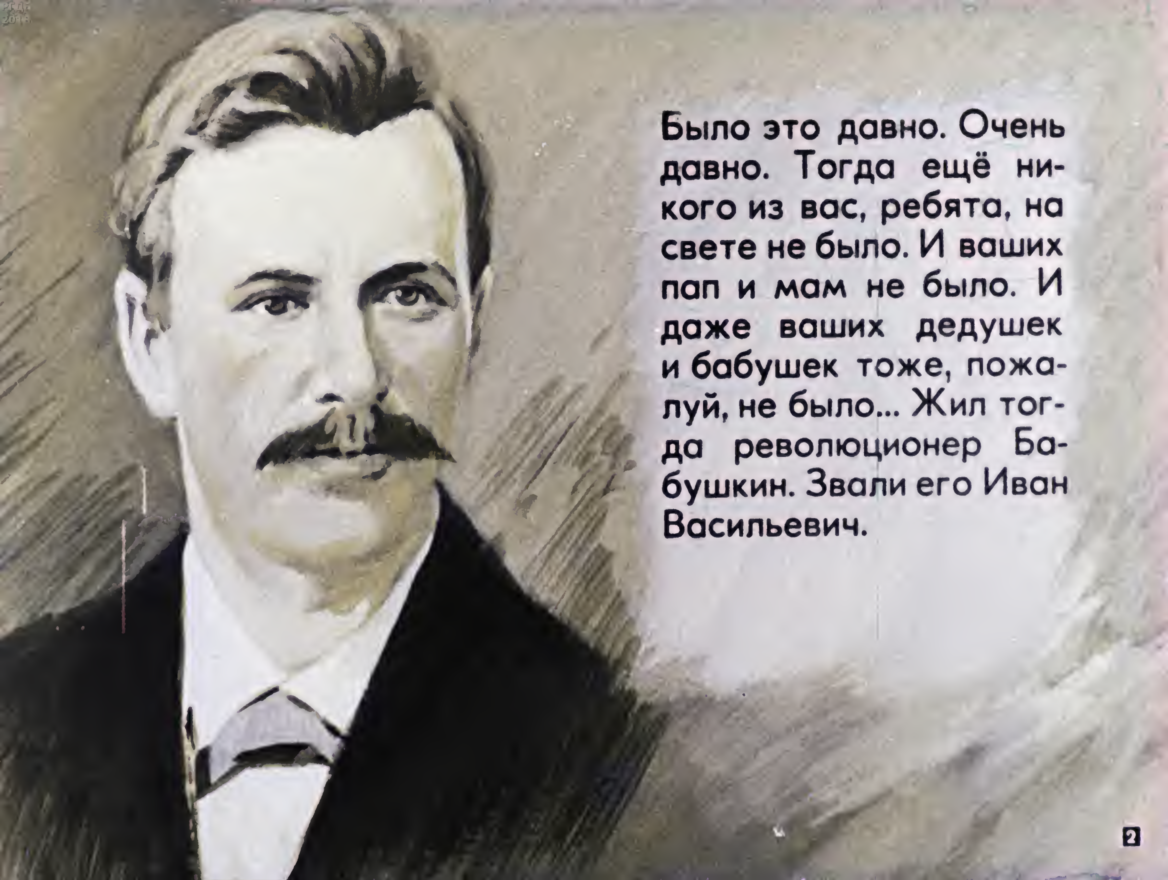
08–3–834

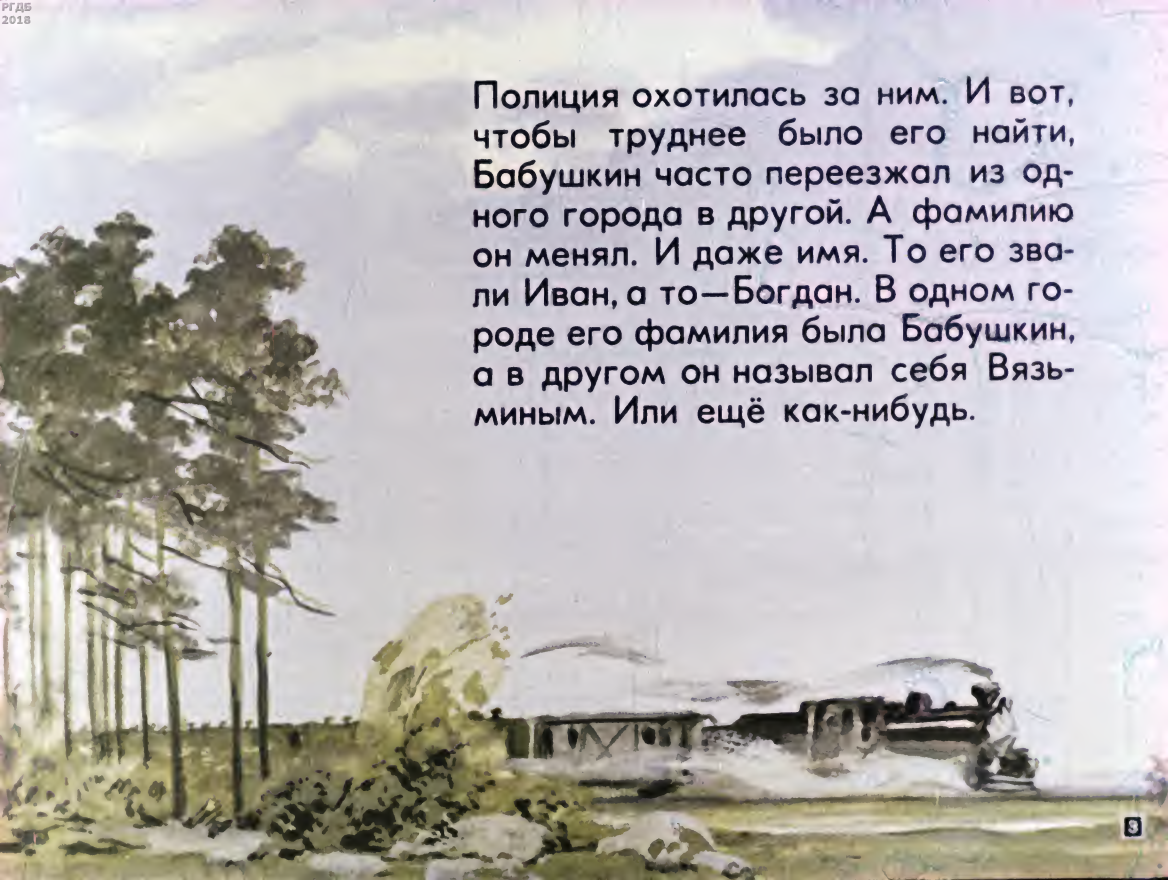
Б. РАЕВСКИЙ

Зелёная скамеечка

ХУДОЖНИК В. ВАСИЛЬЕВ

Было это давно. Очень давно. Тогда ещё никого из вас, ребята, на свете не было. И ваших пап и мам не было. И даже ваших дедушек и бабушек тоже, пожалуй, не было... Жил тогда революционер Бабушкин. Звали его Иван Васильевич.

Полиция охотилась за ним. И вот, чтобы труднее было его найти, Бабушкин часто переезжал из одного города в другой. А фамилию он менял. И даже имя. То его звали Иван, а то — Богдан. В одном городе его фамилия была Бабушкин, а в другом он называл себя Вязьминым. Или ещё как-нибудь.

И вот однажды приехал Бабушкин с женой в город Полоцк. Маленький такой городишко. На улицах трава растёт. И куры разгуливают. Прямо как в деревне.

Снял Бабушкин домик в Полоцке. Старенький, крохотный. Всего две комнатёнки.

И думает: «Надо устроиться куда-нибудь на работу». Был Бабушкин слесарем. Очень хорошим слесарем.

Но, поразмыслив, сказал жене: «Нет, слесарем не годится. Ведь полиция знает, что я—слесарь. И хоть фамилия моя сейчас Зефиров, всё-таки могут догадаться, что «слесарь Зефиров» это и есть Бабушкин, которого разыскивают по всей России. Стану-ка я столяром!»

Много всяких дел испробовал Бабушкин на своём веку. Руки у него золотые, с детства к труду приученные. Никакой работы не боятся. Купил он по дешёвке старенький верстак, инструменты и решил:

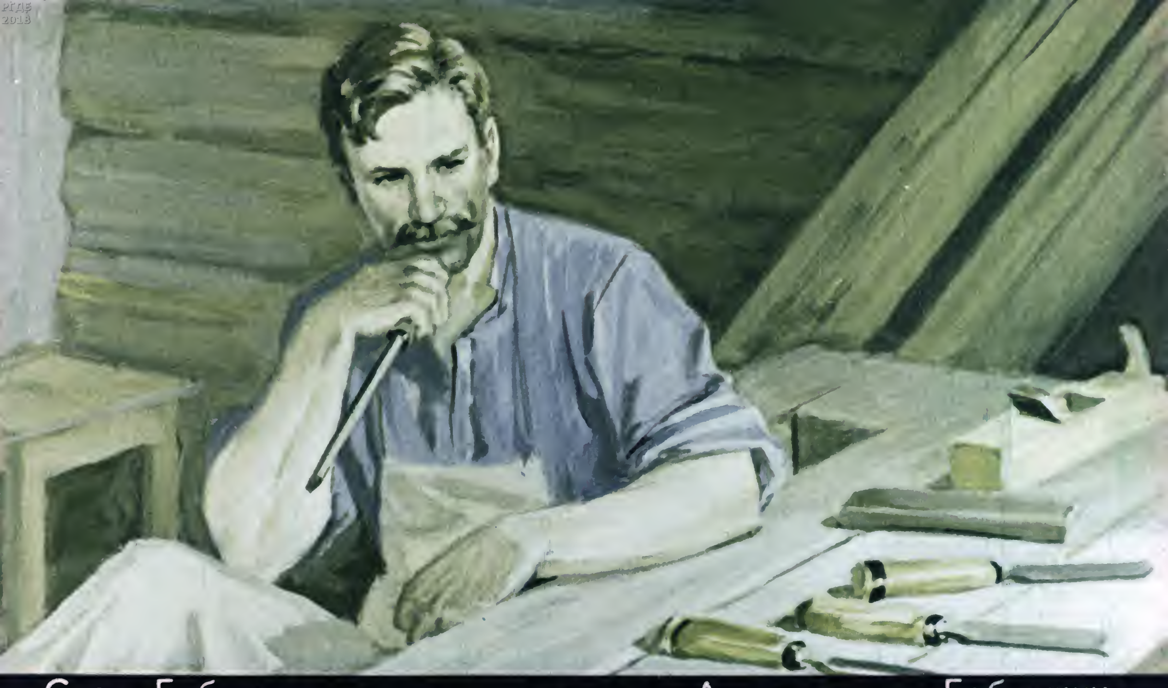
—В той комнате, Пашенька, мы жить станем. А в этой, которая побольше, будет у меня мастерская.

И чтобы все знали, что в Полоцке появился новый столяр, Бабушкин гладко выстругал дощечку и краской написал на ней: «Столяр».

— «А не боишься? — спросила жена. — Принесут тебе стол чинить или шкаф. Справишься?» — «Постараюсь», — ответил Иван Васильевич. Вообще-то, конечно, страшновато ему было.

Стал Бабушкин ждать заказчиков. А те не шли. Бабушкин инструменты заточил, верстак поправил. —«Сделаю-ка я что-нибудь для практики. И в доме пригодится,—подумал Бабушкин.—Сработаю похитрее. Ну хоть скамеечку. Не простую. С секретом!»

Отыскал он доску. Толстую-толстую. Отпилил от неё кусок. Рубанком его зачистил. Это сиденье будет.

Потом рейку нашёл. Четыре куска от неё отпилил—для четырёх ножек. Закруглил верхушки, зачистил ножки, стали они гладкие, словно полированные.

А потом стал делать самое сложное — «секрет». Выдолбил стамеской четыре глубокие отверстия для ножек. Внутри доски́ соединил эти отверстия между собой широким «коридором». Получился словно маленький потайной ящичек.

Взял Бабушкин несколько подпольных листовок, свернул их трубочкой и засунул в тайник.

Вставил ножки в отверстия. Проверил. Ножки держались крепко и выходили из дыр с трудом. «Вот и хорошо!» — подумал Бабушкин и позвал жену.

—«Моё первое столярное изделие!—гордо сказал он.—Ну как, нравится?»—Прасковья Никитична мельком глянула на «изделие», не понимая, чего муж так радуется.—«Скамейка как скамейка,—сказала она.—Покрасить не вредно бы...».

—«Покрасить-то покрашу,—перебил Бабушкин.–А ты ничего не замечаешь? Гляди лучше».—Прасковья Никитична внимательно осмотрела скамеечку, пожала плечами.

—«Ну, гляди!»—сказал Бабушкин. Вытащил ножки, сунул пальцы в отверстие. «Оп-ля!» И, как фокусник, вытащил из потайного коридора запрещённые листовки.—«Ловко!»—засмеялась Прасковья Никитична.

В тот вечер Бабушкин ещё долго возился со скамеечкой. Каждую пару ножек он скрепил поперечиной. Сиденье снова выстругал гладко, будто вылизал. И покрыл скамеечку зелёной краской.

А назавтра пришли заказчики. Чиновник принёс ему в починку старинную резную шкатулку. Потом соседка попросила отремонтировать сундук, а трактирщик прислал мальчика—пусть, мол, придёт подгонит оконные рамы.

Заказы шли один за другим. В конце концов Бабушкин так навострился и осмелел, что изготовил даже пузатый комод для купчихи... Но столярничал он только днём.

А вечерами у него были дела поважнее: завязывал знакомства с рабочими, раздавал им революционные листовки, устраивал тайные собрания.

Так прошло три месяца. Но вот однажды ночью к Бабушкину нагрянули жандармы. Обыск!

Один жандарм сразу залез на печку. Но ничего, кроме пыли, там не нашёл и громко чихнул.— «На здоровье!—сказал Бабушкин.—А чего ж ты, молодец, в трубу не слазил? Вдруг там бомба?»

Жандарм не уловил насмешки, закатал рукав и, гремя заслонками, сунул руку в дымоход. Вытащил её по локоть в саже.

Другой жандарм, загнав между половицами лезвие топора и побагровев от натуги, навалился на топорище.—«А ты, милый, возьми лом на дворе. Ломом-то сподручней полы расковыривать»,—посоветовал Бабушкин. —«Без вашей помощи обойдёмся»,—сказал офицер.

Насчёт обысков—жандармы мастера. И сейчас действовали они чётко, по строгому, давно заведённому порядку. Тот жандарм, который лазал в печку, теперь осматривал мебель. Двигался он от двери вдоль стены, не пропуская ни одной, даже самой мелкой, вещицы.

Табуретка на пути — табуретку ощупает, повертит так и сяк, к самому носу поднесёт, словно бы даже обнюхает.

Икона на стене—снимет её, осмотрит и пальцем поколупает: не засунуты ли в щель листовки?

Кровать на пути—вспорол перину и подушку.

«Так,—думает Бабушкин.—Так...». А сам краем глаза наблюдает за жандармом. Рядом с кроватью стул стоит, потом—этажерка, потом—зелёная скамеечка. Бабушкин старается не глядеть на скамеечку, но глаза сами к ней тянутся.

Вот жандарм стул осмотрел, кверху ножками его поставил, днище согнутым пальцем простукал, как врач больного. Сей-час к этажерке передвинется...

«А потом — скамеечка, — думает Бабушкин. Правда, она с секретом, но всё же...». Тревожится Бабушкин, однако виду не подаёт. Жандарм уже этажерку выстукал, ножки осматривает... «Нет, — подумал Бабушкин. — Больше ждать нельзя».

Повернулся Бабушкин к офицеру и говорит: «А вы, ваше благородие, чего стоите-то? Обыск — дело долгое. Утомитесь стоять-то». — Взял Бабушкин зелёную скамеечку и подвинул офицеру. — «Лучше о себе тревожьтесь», — буркнул офицер.

Но стоять он уже устал. Почти три часа шёл обыск. Офицер злился. Он знал, что где-то тут хранятся листовки. Но где?

Так и ушли жандармы ни с чем. А Бабушкин вскоре уехал из Полоцка. Верстак и инструменты он продал. С собой вёз только книги, бельё, чайник и маленькую зелёную скамеечку. Она долго служила ему верой и правдой, храня в своём тайнике то листовки, то газеты, то письма Ленина.

Но потом, когда Бабушкина арестовали, скамеечка пропала.
Куда она делась—неизвестно.

Возможно, и сейчас стоит у кого-нибудь в комнате зелёная скамеечка (а может, она уже и не зелёная?). И может, до сих пор в тайнике её лежит пожелтевшая листовка или ленинская газета «Искра».

КОНЕЦ

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор А. Морозов

Студия «Диафильм», 1973 г.
Москва, 101 000, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30

Д-152-73